

УДК 304.444

Соколовский К.Г.
Sokolovskij K.G.

К вопросу вероятности сценариев «арабской весны» в Казахстане: механизмы реализации и религиозный фактор

To the issue of the probability «Arab Spring» scenarios in Kazakhstan:
mechanisms of implementation and the religious factor

В статье рассматриваются механизмы, по которым протекали революции «арабской весны». Насколько велика вероятность их реализации на постсоветском пространстве и, в частности, в Казахстане, с учётом современных общественно-политических и экономических реалий? В материале предпринята попытка дать ответ на этот вопрос.

Ключевые слова: «арабская весна», Казахстан, религия, исламизация, революция, управляемый хаос

The article discusses mechanisms of the "Arab Spring" revolutions and offers the possibility of implementation of these scenarios in Kazakhstan according to the current socio-political and economic conditions. The article attempts to answer this question.

Key words: «arab spring», Kazakhstan, faith, islamisation, «controlled chaos», revolution

В декабре 2015 года исполнилось пять лет со дня начала событий, вошедших в историю как «арабская весна». Срок достаточный для того, чтобы осмыслить произошедшее. Не смотря на огромное количество как публицистических, так и научных работ, вышедших за это время, чёткий ответ на вопрос: «Что это было?» — думается, всё же не сформулирован. Отсутствие единого понимания произошедшего, можно предположить, становится одной из причин многочисленных попыток моделировать реализацию сценариев «арабской весны» на постсоветском пространстве, в том числе, в Казахстане.

Например, А.В. Манойло (*МГУ им. М. Ломоносова*) предлагает небезынтересный анализ событий в Украине 2013–2014 годов, рассматривая произошедшее в контексте механизмов «арабской весны» [10, с. 25]. Геополитические последствия революций на Ближнем Востоке являются предметом научного интереса К. И. Байзаковой (*Казахский национальный университет им. аль-Фараби*) [2, с. 6]. Множество других исследователей также уделяет внимание этим вопросам. Вероятность подобного рода прогнозов не может не вызывать интерес.

Выдающийся французский мыслитель Алексис де Токвиль в классической работе «Старый порядок и революция» [14] предложил несколько справедливых и сегодня законов революционного развития.

СОКОЛОВСКИЙ Константин Геннадьевич, к.ю.н., эксперт общественного объединения «Центр независимых исследований» (г. Астана, Казахстан). **E-mail:** k_sokolovskiy@fastmail.com

Суть первого, как известно, в том, что с увеличением уровня благосостояния населения резко возрастает и уровень его социальных притязаний. Иными словами, народные волнения чаще всего происходят не тогда, когда в обществе плохо и становится хуже, а, напротив, когда становится лучше, но хочется, чтобы было ещё лучше.

Еще один закон А. Токвиля (т.н. «Золотой закон демократии») определяется следующим образом: «Самый быстрый путь к свободе ведёт к наихудшей форме рабства». Известно, что демократизация в странах, где отсутствуют её традиции, а население привержено подданнической политической культуре, быстрые реформы, разрушающие господствовавший вековой уклад, становятся причиной резкой поляризации социума и, как следствие, дестабилизации политической власти. В результате, вместо демократических институтов и ценностей в таких странах может установиться более плохая форма тиранической власти, чем была до начала реформаторской деятельности.

Сказанное полностью вписывается в алгоритм рассматриваемых революционных событий в арабских странах.

Вообще представляется, что к их оценке следует подходить двояко: как с позиции истории, так и с позиции современности. История объединяет все эти страны в единый арабский мир, мир наследников великой Арабо-мусульманской цивилизации. Как известно, после Второй мировой войны арабские страны получили независимость, выбрав собственные пути развития, коими стали как вестминстерская, так и социалистическая модели.

Сегодня с уверенностью можно констатировать, что оба варианта оказались неудачными. Ключевые проблемы: бедность, коррупция, огромный разрыв в доходах между стратами и др. – разрешены местными правительствами не были. Именно здесь, надо полагать, кроются причины возникновений на Ближнем Востоке всевозможных новационных фарватеров политического развития от девизов «третьего мира» Каддафи до лозунгов «благословенной исламской экономики» Хомейни. При этом ориентированная на экспорт система хозяйствования не позволяла им ни «выключиться» из мировых экономических процессов, ни даже ограничить влияние таковых на сами государства.

Известный экономист Л.Л. Фитуни (*Институт Африки РАН*) приходит к выводу, что «внешнее вмешательство в текущие процессы внутри арабских стран – вещь бесспорная и предельно очевидная, однако в глубинной основе социального взрыва столь же бесспорно лежит экономика... Глядя на макроэкономическую статистику и складывавшиеся тренды, накануне революций экономическое положение именно тех арабских стран, где правящие режимы пали, было отнюдь не самое плохое» [15, с. 90].

Ещё один фактор – демографический. Почти 60% населения арабских стран моложе 25 лет имеют высшее образование. При этом молодёжь до 20 лет составляет половину населения арабского Востока, средний же его возраст не превышает 25 лет [6, с. 9]. Как бы общепринятое сегодня с подачи западных политологов мнение о том, что члены тех же организаций «Хамас» и «Хезболла» – сплошь нищие и обездоленные, не сумевшие найти себя, как теперь становится понятно, оказалось в корне неверным. Напротив, очевидно, что активисты радикальных исламских организаций на Ближнем Востоке, ставшие движущей силой революционных событий, – в основном образованные и вполне состоятельные молодые люди.

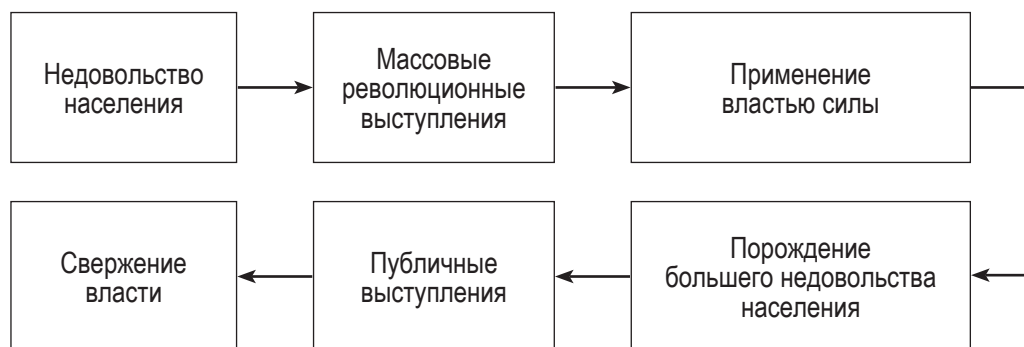
Исследователи обращают внимание на изменение демографического поведения людей накануне «арабской весны» в целом. Помимо значительного роста уровня образованности, отмечаются увеличение

возраста вступления в брак, регулярные выезды молодых пар в туристические поездки страны «мягкого ислама» (Малайзия, Индонезия, Турция и др.) для «свободного отдыха», к чему местное общество относится в принципе терпимо, допускается и использование в интимных отношениях контрацептивов и т.п. Это позволяет даже называть «арабскую весну» «поколенческой революцией» [6, с. 8].

Кроме того, следует учитывать, что с момента обретения независимости в арабских странах сформировались элиты. И, как неизбежный побочный продукт данного процесса, возникло существенное социальное расслоение, приведшее в свою очередь к жёсткой системе распределения социальных благ, росту коррупции и в итоге – к формированию диктаторских режимов. При этом, если многие из них в целом и следовали в фарватере политики Запада (например, Х. Мубарак в Египте), всё же не находились под её полным контролем. Последнее обстоятельство, с учётом стратегической роли региона в глобальной политике и экономике, становилось причиной заинтересованности Запада в смене диктаторских режимов на демократические, более подверженные внешнему влиянию.

Не вызывает сомнения, что рассматриваемые события развивались по классической схеме, описанной во многих источниках (см. схему 1):

Схема 1. Общая схема развития революций в арабских странах

При этом следует учитывать, что анализ арабских революций показывает их вёрстку по единым шаблонам: на основе сформировавшихся внутренних условий (революционной ситуации) при воздействии внешних факторов, сыгравших роль катализатора.

К ключевым внутренним факторам, как указывалось выше, мы можем отнести наличие сформированной и вполне легитимной элиты с глубокими корнями, которая к тому моменту более не нуждалась во внешнем патронате, а также то, что находящиеся у власти кланы вели политику исключительно в собственных интересах, что породило сопротивление низших страт. И, безусловно, нельзя здесь не упомянуть о произошедшей в последние годы на Ближнем Востоке медийной революции: значительное развитие интернета (большое количество вовлечённых пользователей) и резкое повышение профессионального уровня телевидения и радио создали условия практически мгновенного распространения информации.

Внешний фактор, в свою очередь, един. Думается, не ошибёмся, если скажем, что перевороты на Арабском Востоке – это события мирового значения, ибо в него оказались втянуты косвенно или прямо практически все ключевые страны-игроки международной политической сцены. И с этой точки зрения, изначально высказанные предположения экспертов о том, что причиной арабского домино стал *стихийный* подъем именно «обездоленных масс» [5], не выдерживает критики не только из-за событий в Бахрейне и Ливии (наиболее богатые, с высоким уровнем жизни и значительным для граждан социальным пакетом), но и ввиду очевидной схожести протекания протестных выступлений.

Не случайно президент Общества дружбы России с арабскими странами В.Н. Матузов приходит к выводу о том, что «эти события были инспирированы западными, прежде всего американскими, кругами через неправительственные правозащитные организации, пиар-структуры, Интернет, Гугл, фейсбук и в этом смысле являются аналогами цветных революций. За народными революциями в арабском регионе стоит колоссальная подготовительная работа мощных, профессиональных центров политических технологий» [7, с. 294].

Согласимся с тем, что «стихийные волнения» в арабском мире – это проект: ситуация длительное время готовилась и подогревалась. Однако парадокс в том, что результат этого проекта – собственно сами революционные события – оказались неожиданностью для Запада, как это отмечают многие политологи.

В то же время, как известно, любые технологии требуют благодатной почвы. Главной движущей силой «арабской весны» стали «продукты глобализации» – «офисный планктон», юристы, госслужащие и т.п., привыкшие к росту материальному благополучию и не пережившие депрессии и кризиса. Именно на них в указанном качестве могла быть сделана ставка политтехнологами. В пользу этой точки зрения свидетельствует факт того, что несколько лет тому назад в ходе встречи G8 Президентом США Дж. Бушем-младшим был презентован проект «Расширенного Ближнего Востока», предполагавший, помимо прочего, и смену режимов в арабских странах, на что обращает внимание Б.К. Султанов (*Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК*) [13].

Учёт этих сторон арабских революций позволяет сделать два основных вывода. *Первый*: революционные события подобного рода будут провоцироваться в тех частях мира, которые представляют интерес с геэкономической или геостратегической точек зрения для стран, контролирующих глобальную экономику. И *второй*: зная причины и механизмы происходящего, возможно обезопасить свою страну от такого рода катаклизмов.

Вполне закономерен в этой связи актуальный для политологического сообщества вопрос: насколько вероятна реализация подобных сценариев в Казахстане?

Накануне «арабского домино» The Wall Street Journal, собрав экспертов и обсудив проблему, опубликовал свой индекс стран, в которых могут произойти массовые выступления и государственные перевороты [17]. По расчетам экспертов издания, такая участь должна была постигнуть некоторые постсоветские автократии раньше, чем те же Египет и Тунис. Автор материала А. Маттич основывает свой «протестный индекс» на составляющих социальной несправедливости и параметре, названном им «склонность к восстанию». Исследователь выделяет следующие критерии, рост показателей которых, по его мнению, может спровоцировать массовую протестную активность населения:

- ◆ уровень социальной несправедливости в обществе (в т.ч. уровень коррупции, разрыв между доходами богатых и бедных и др.);

- ◆ склонность жителей страны к восстанию (в т.ч. средний возраст граждан, уровни образования, безработицы, ВВП и т.д.);

- ◆ доля в ежедневном бюджете семьи продуктов питания.

А. Маттич также предполагает, что страны, где безработной молодежи больше, чем обеспеченных работой граждан среднего возраста, более взрывоопасны. Спусковым механизмом, с его точки зрения, может стать резкое повышение цен на товары первой необходимости, прежде всего, продукты питания. Постсоветские страны, по мнению американского политолога, находятся в начале этого тревожного списка (например, Казахстан размещён на 31 позиции из 81).

При этом ключевые факторы возникновения народных волнений, называемые и в указанном материале, и экспертным сообществом на примере арабских стран вообще – *глобализация*, как внешнее влияние, и *консолидация протестных сил* внутри страны. Рассмотрим их подробнее в контексте отечественных реалий.

1. *Глобализация*. Исследователи социальных проблем глобализации единодушны в одном: данный процесс противоречив, неоднозначен, в его оценке мнения экспертов нередко диаметрально противоположны. В Декларации тысячелетия ООН справедливо отмечается: «...Хотя глобализация открывает широкие возможности, её благами сейчас пользуются весьма неравномерно, и неравномерно распределяются её издержки».

Уровень вовлечения Казахстана в процессы глобализации остаётся, на наш взгляд, незначительным. Во-первых, высокоразвитые государства имеют богатую культурную среду, которая на основе высоких технологий, глобальных систем телекоммуникаций производит, реализует и обменивается информацией, материализует её в конкретных образцах техники, искусства, потребительских благ и т.д. Такая культурная среда демонстрирует тенденцию к расширению и интернационализации, сохраняя при этом свои государственные границы. Этим, видимо, можно объяснить практически бесконфликтные отношения развитых стран. Проще говоря, как указывает О.Д. Скородумова, такое богатство может быть интегрировано только в культурное пространство подобного же уровня развития, которого нет в бедных странах [12, с. 78].

Поэтому, во-вторых, во взаимоотношениях стран разных цивилизационных моделей, находящихся на различных стадиях индустриального развития, ещё длительное время принцип «баланса сил» будет иметь весьма существенное значение. И борьба за доминирование в регионе, за овладение экономически или политически важными территориями, коммуникациями может приобретать конфликтную форму.

В-третьих, особую значимость в этой ситуации приобретут информация и информационное противоборство, которое, как известно, проходит на двух уровнях.

Первый уровень – системный (по С. Хантингтону [16, с. 35]), когда ценности одной социальной системы насильственно внедряются в другую. Сказанное подтверждается активной деятельностью различных международных и неправительственных организаций, продвигающих в информационное поле постсоветских стран западные ценности и стандарты.

Данное обстоятельство не может не вызывать обеспокоенность, поскольку в отсутствии институционально оформленной общенациональной идеи информационная сфера постсоветских стран представляет собой некий вакуум, готовый втягивать новые духовные ценности. Истории известен печальный опыт механического перенесения основ и традиций

западного либерализма на неподготовленную почву постколониальных стран, которые не привились банально по причине отсутствия экономики, да и вообще культуры свободного рынка. На наш взгляд, либерализм должен непременно разумно сочетаться с национально-историческими, социокультурными особенностями, только тогда он будет востребован в традиционном обществе, представителями которого несомненно являются постсоветские страны.

Более активно этот процесс при влиянии различного рода западных институтов запущен на втором уровне – уровне социальных старт, когда идёт чётко определённая идеологическая работа с учетом целевых групп воздействия. При этом можно выделить такую особенность, как сознательное использование социального невежества (здесь мы его определяем не как простое незнание, а как необразованность, недостаток в знаниях, не позволяющий адекватно реагировать на происходящие события и вырабатывать соответствующий тип социального поведения). Социальное невежество же в определённых случаях намеренно поддерживается при помощи хорошо отлаженного механизма, что приводит в отдельных случаях к торжеству оруэлловского лозунга «Невежество – сила».

Показателен в этом случае пример Интернета, когда в силу того же социального невежества он воспринимается как источник знаний, а не как источник информации. Волна захлестнувшей наше общество псевдорелигиозности – пример из этого же ряда: когда людей привлекают внешние атрибуты, материальные стимулы, но не глубокая вера, основанная на знании. Именно в этом случае складывается девиантный тип социального поведения, который может представлять определенную угрозу безопасности общества: эффект глобализации, охватываемый формулой «Даёшь общество потребления» и распространяемый посредством коммуникационных технологий и миграции, способен привести к росту давления на политическую систему со стороны молодёжи, профессиональных и национальных меньшинств. Именно эти социальные группы вольно или невольно могут стать союзниками глобальных игроков в плане дестабилизации целого региона.

2. Расконсолидированность казахстанского общества. Не вызывает сомнения тот факт, что современный казахстанский социум расконсолидирован. Усилия Президента Н.А. Назарбаева, выступившего с долгосрочной стратегией развития страны «Казахстан-2050: Новый политический курс состоявшегося государства» и предложившего общенациональную идею «Мәңгілік ел», думается, в будущем принесут свои плоды, однако сегодня ситуация далека от идеальной.

С другой стороны, в гипотетически предполагаемых массовых выступлениях, наподобие арабских, определённо можно сказать, не будут принимать участия некоторые слои населения. Причину тому чётко указывает современный российский философ М.К. Кантор: «Революция социальная не может произойти по простой причине: чтобы подхватить лозунг, нужно говорить на языке оратора... В обществе, столь прочно разделённом на страты, что интересы одной страты не пересекаются с интересами другой, общий язык вообще проблематичен» [8].

В «арабской весне», по мнению большинства исследователей, социум был именно консолидирован, а объединяющим фактором выступил политизированный ислам, позиции которого, как следствие, серьёзно укрепились на Ближнем Востоке [9, с. 46]. Если рассматривать ситуацию в Казахстане, то это в большей степени всё же светское государство. Вера, по оценкам социологов, играет существенную роль в жизни наших граждан, однако в подавляющем большинстве случаев исповедуются традиционные толерантные религии – ислам ханафитского мазхаба и

православное христианство, с которыми активно взаимодействует государство, в том числе, оказывая прямую и опосредованную поддержку.

Отметим, что нынешняя фрагментированность нашего социума – основная причина его склонности к дифференцированности с определёнными противоречиями, при этом «ключевым детерминирующим фактором такого рода тенденции может выступить несовершенство механизмов согласования основных политических интересов, имеющих в транзитном обществе» [1, с. 34–35]. Без механизмов политической коммуникации появление единых цели и задач для людей, объединённых в различные страты, а также взаимодействие между такими стратами, как известно, невозможно. Отсюда, невозможно и совместное их выступление по какому-либо вопросу, в том числе, деструктивного порядка.

В связи с чрезвычайной раздробленностью интересов слоёв общества, сомнения в серьёзном потенциале дестабилизации конституционного строя «снизу» высказывает также видный казахстанский политолог Ж.А. Байсалбаева [3, с. 37]. Она отмечает, что говорить о «слоях» или «стратах» в казахстанском социуме будет неправильным из-за отсутствия какой бы то ни было общности интересов внутри них.

Не будем забывать и о важном аспекте, который обозначил известный российский исследователь Л.Е. Бляхер со ссылкой на Ю. А. Леваду: «Советский простой человек всегда идентифицировался с государством и через государство, минуя страт» [4, с. 100]. Казахские страты, каковыми бы они ни были, и их лидеры не обладают историческим опытом деструктивной активности, более того, в большей степени до сих пор ориентированы на этатизм, нежели на самостоятельную защиту своих интересов, что лишь осложняет проблему взаимной политической коммуникации.

Тем не менее, представляется, что движущей силой массовых выступлений в случае реализации в Казахстане сценария арабских революций может выступить сельская молодёжь. На её политическое поведение активно влияет изменение статусных позиций как социальной группы. В последнее время с разорением села произошло крушение индивидуальных и общественных интересов, ожиданий, что привело к росту отклоняющегося поведения. Более того, на формирование политического поведения указанной категории граждан влияет отсутствие стандартов социального сравнения с другими людьми, позволяющее адекватно оценить свой социальный статус и выбрать соответствующие образцы поведения.

Одним из важных мотивов формирования такого поведения является реакция на невостребованность в современной социально-политической ситуации. Всё перечисленное может сформировать чувство социальной неудовлетворенности, определяющей деструктивное поведение.

Статусная неопределенность, в свою очередь, развивается, когда человек имеет несколько статусов разного ранга. Например, имея высокий профессиональный уровень, вынужден выполнять малоквалифицированную работу.

Наличие названных выше факторов социальной неудовлетворенности ведёт к тому, что гражданин испытывает потребность присоединиться к какому-либо социальному движению. Гипотетически можно предположить, что исследование статусного состояния сельской молодёжи выявит определенную степень вероятности их присоединения к какому-нибудь социальному движению. Примером тому события, связанные с активизацией экстремистской религиозной деятельности на западе Казахстана. Именно из среды сельской молодёжи рекрутируется подавляющая часть активистов радикальных религиозных течений. При этом, например, С.Б. Никонов указывает, что роль централизующе-

го протестующего фактора, как показали события «арабской весны», равно как и рычага влияния на массы, сыграла всё же религия [11, с. 94].

Тем не менее, постоянно присутствующий и, более того, укрепляющийся в свете оказывающих на Казахстан влияние негативных последствий мирового экономического кризиса рост чувства социальной неудовлетворенности может также привести к провоцированию конфликтов внутри самой группы.

В заключении хотелось бы обратить внимание на следующий немаловажный аспект: фактически в арабских событиях восставшие победили без партий, лидеров, идей и программ! Охлократия же всегда непредсказуема, неуправляема и обладает огромной разрушительной силой. При этом порожденные политической, правовой, общественной демагогией нигилизм и растущее социальное невежество определенных слоев населения сознательно и намеренно поддерживаются и направляются в нужное русло представителями различных экстремистских организаций.

Чтобы не допустить схожей ситуации в Казахстане, представляется необходимым разрабатывать и внедрять комплексные государственные программы социальной адаптации маргинального населения, введения её в систему институционализированных социальных отношений.

Литература

1. Ашимбаев М.С., Нысанбаев А.Н., Шаманов А. Независимый Казахстан: новые вызовы, новые перспективы // Саясат-Policy, Казахстан. 2002. № 11. С. 32–41.
2. Байзакова К.И. Геополитические последствия «арабской весны» для Казахстана // Средний Восток и Центральная Азия в общем геополитическом пространстве: сб. ст. Алматы: Издательство Казахского национального университета им. аль-Фараби, 2013. 212 с.
3. Байсалбаева Ж.А. Информационное противодействие терроризму. Алматы: Издательство Академии КНБ РК, 2002. 254 с.
4. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М.: РОСПЭН, 2005. 207 с.
5. Давыдов П. Палестинский эксперт назвал причину возникновения арабских революций: интервью с Н.Хаватме // РИА-Новости. 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/arab_analytics/20110419/366044133 (дата обращения: 11.12.2015 г.).
6. Желтов В.В., Желтов М.В. Арабская весна: демографические аспекты // Территория новых возможностей. 2012. № 4. С. 7-16.
7. Зинин Ю.Н. «Арабская весна» в повестке дня экспертного сообщества России: обзор // Вестник МГИМО. 2012. № 5 (26). С. 293-299.
8. Кантор М.К. Бунт сытых // Новая газета – Казахстан. 2009. 11–26 ноября. № 45 (235).
9. Крылов А.В. Роль религиозного фактора в «арабской весне» // Вестник МГИМО. 2013. № 4 (31). С. 43–51.
10. Манойло А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» арабской весны // Власть. 2014. № 4. С. 24–28.
11. Никонов С.Б. Ноополитический аспект «арабской весны» и доктрина информационной безопасности России // Геополитика и безопасность. 2014. № 3(27). С. 93–97.

12. Скородумова О.Д. Культура информационного общества: особенности и тенденции развития // Вестник Российского философского общества. 2008. № 2. С. 76–80.

13. Султанов Б.К. Арабские события: революция, бунт или кризис идентичности // Your vision, Казахстан. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://yvision.kz/post/127473> (дата обращения: 11.10.2015 г.).

14. Токвиль А. Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997. 252 с.

15. Фитуни Л.Л. Экономические причины и последствия «арабской весны» // Проблемы современной экономики. 2012. № 1. С. 90–96.

16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 4. С. 33–48.

17. The New York Times и Wall Street Journal: в каких странах ждать следующую революцию? Редакционная статья // Биржевой лидер. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/smi/entry1008067554.html> (дата обращения: 21.11.2015 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ashimbaev M.S., Nysanbaev A.N., SHamanov A. Nezavisimyj Kazakhstan: novye vyzovy, novye perspektivy // Sayasat-Policy, Kazakhstan. 2002. № 11. С. 32–41.

2. Bajzakova K.I. Geopoliticheskie posledstviya «arabskoj vesny» dlya Kazakhstana // Srednij Vostok i TSentral'naya Aziya v obshhem geopoliticheskom prostranstve: sb. st. Almaty: Izdatel'stvo Kazakhskogo natsional'nogo universiteta im. al'-Farabi, 2013. 212 s.

3. Bajsalbaeva ZH.A. Informatsionnoe protivodejstvie terrorizmu. Almaty: Izdatel'stvo Akademii KNB RK, 2002. 254 s.

4. Blyakher L.E. Nestabil'nye sotsial'nye sostoyaniya. M.: ROSPEHN, 2005. 207 s.

5. Davydov P. Palestinskij ehkspert nazval prichinu vozniknoveniya arabskikh revolyutsij: interv'yu s N.KHavatme // RIA-Novosti. 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/arab_analytics/20110419/366044133 (дата обращения: 11.12.2015 г.).

6. ZHeltov V.V., ZHeltov M.V. Arabskaya vesna: demograficheskie aspekty // Territoriya novykh vozmozhnostej. 2012. № 4. С. 7-16.

7. Zinin YU.N. «Arabskaya vesna» v povestke dnya ehkspertnogo soobshhestva Rossii: obzor // Vestnik MGIMO. 2012. № 5 (26). С. 293-299.

8. Kantor M.K. Bunt sytykh // Novaya gazeta – Kazakhstan. 2009. 11–26 noyabrya. № 45 (235).

9. Krylov A.V. Rol' religioznogo faktora v «arabskoj vesne» // Vestnik MGIMO. 2013. № 4 (31). С. 43–51.

10. Manojlo A.V. Ukrainskij krizis i «upravlyaemyj khaos»: sled «tsvetnykh revolyutsij» arabskoj vesny // Vlast'. 2014. № 4. С. 24–28.

11. Nikonov S.B. Noopoliticheskij aspekt «arabskoj vesny» i doktrina informatsionnoj bezopasnosti Rossii // Geopolitika i bezopasnost'. 2014. № 3(27). С. 93–97.

12. Skorodumova O.D. Kul'tura informatsionnogo obshhestva: osobennosti i tendentsii razvitiya // Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshhestva. 2008. № 2. С. 76–80.

13. Sultanov B.K. Arabskie sobytiya: revolyutsiya, bunt ili krizis identichnosti // Your vision, Kazakhstan. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://yvision.kz/post/127473> (дата обращения: 11.10.2015 г.).

14. Tokvil' A. Staryj poryadok i revolyutsiya. M.: Moskovskij filosofskij fond, 1997. 252 s.

15. Fituni L.L. EHkonomicheskie prichiny i posledstviya «arabskoj vesny» // Problemy sovremennoj ehkonomiki. 2012. № 1. S. 90–96.
16. KHantington S. Stolknovenie tsivilizatsij? // Polis. 1994. № 4. S. 33–48.
17. The New York Times i Wall Street Journal: v kakikh stranakh zhdet' sleduyushhuyu revolyutsiyu? Redaktsionnaya stat'ya // Birzhevoj lider. 2011. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/smi/entry1008067554.html> (data obrashheniya: 21.11.2015 g.).